

Оды Державина

Державин в 1770-х -1780-х гг. создавал философские и торжественные оды.

Первой удачной одой поэта было величественное размышление о жизни и смерти - ода «На смерть князя Мещерского» (1779). В 1780 г. Державин пишет философскую оду «Бог», а в 1782 г. – торжественную оду «Фелица». В ней поэт представил Екатерину II не только как государственное лицо, но и как человека.

Необычным был и стиль оды: высокий штиль сочетается в оде со средним и даже низким штилем.

В конце 1780-х гг. в лирике Державина возникают гражданские и сатирические стихи. Одно из них – ода-сатира «Властителям и судиям».

В. Ходасевич:

«В борьбе за закон у Державина не было опоры ни в обществе, ни в самом правительстве. Законы писались даже усиленно, но как-то само собой подразумевалось, что исполняться они должны лишь до известной степени и по мере надобности (преимущественно дворянской). Не отрицалось, что законы гораздо лучше исполнять, нежели не исполнять. Но одному лишь Державину их неисполнение казалось чем-то чудовищным. Нарушителей закона никто прямо не поощрял, но и карать их у власти охоты не было. Державин этого не хотел взять в толк. Кидаясь на борьбу с нарушителями закона, он всякий раз был уверен, что "щит Екатерины" делает его неуязвимым. Отчасти оно так и было. Но тот же щит покрывал и его врагов. Выходило, что Минерва Российская равно благоволит и к правым, и к виноватым, и к добрым, и к злым. Почему? Вот загадка, которой Державин не только еще не решил, но и не поставил перед собою открыто».

Державин добился того, что эти стихи, которых не решались печатать в их прежнем виде, были напечатаны в новом, более резком. Ссылка на подражание псалму могла бы служить надежным прикрытием, но Державин зачеркнул старое заглавие "Псалом 81" и сделал новое, свое собственное: "Властителям и судиям". Такова была его прямота: он знал, что пьеса возникла в сущности не из чтения Библии, но из созерцания России.

Псалом 81.

Бог встал в сонме богов и произнес суд.

Доколе будете вы судить неправедно и оказывать лицепрятие нечестивым?

Давайте суд бедному и сироте; угнетенному и нищему оказывайте справедливость.

Избавляйте бедного и нищего, исторгайте его из руки нечестивых.

Не знают, не разумеют, во тьме ходят; все основания земли колеблются.

Я сказал: вы – боги, и сыны Всевышнего – все вы.

Но вы умрете, как человеки, и падете, как всякий из князей.

Восстань, Боже, суди землю; ибо Ты наследуешь все народы.

Властитель, не опирающийся на народную любовь, в сущности безвластен. Во-вторых, что он и не царь, а тиран, захватчик власти, которого можно согнать с престола, не совершая никакого святотатства. Следовательно, царя от тирана отличает не помазание, а любовь народа. Только эта любовь и есть истинное помазание. Таким образом, не только опорой, но и самым источником царской власти становится народ.

Под словом *народ* он склонен был разуместь всю нацию, и это ему удавалось, пока шла речь о делах военных или дипломатических, пока *русский* народ противопоставлялся какому-нибудь иному. Но лишь только взор Державина обращался во глубину страны, непосредственное чувство тотчас побуждало его звать народом лишь обездоленную, бесправную часть нации. Дело однако шло вовсе не об одном крестьянстве: бедный дворянин, вотще ищущий суда и управы на богатого соседа, или мелкий чиновник, прижимаемый крупным, в глазах Державина были такими же представителями народа, как и крестьянин, страждущий от произвола помещичьего. Словом, так выходило, что кто страждет, тот и принадлежит к народу; царь же народный - защита и Покров всего слабого и угнетаемого от всего сильного и угнетающего.

ВЛАСТИТЕЛЯМ И СУДИЯМ

**Восстал всевышний бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?**

**Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.**

**Ваш долг: спасти от бед невинных.
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.**

**Не внемлют! видят — и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.**

**Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны,
И так же смертны, как и я.**

**И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!**

**Воскресни, боже! боже правых!
И их молению внимли:
Приди, суди, карай лукавых,
И будь един царем земли!**

1780(?)

Квинт Гораций Флакк (65 – 8 г. до н. э)

**Я воздвиг монумент. Меди прочнее он,
Вечных он пирамид несокрушимее,
И не злой Аквилон, ни беспощадный дождь
Не разрушат теперь даже века его.
Год за годом пройдет, сменится счет эпох,
Но не весь я умру, частью пребуду жив,
Помнить будут меня, не забывать, пока
Древний славя обряд, в Капитолийский храм
С чистой девой всходить будет верховный жрец.
Там, где бурно кипит Ауфида пенный ток,
Там, где царствовал Давн в скудной дождем земле,
Всюду буду я чтим, бывший никем стал всем!
Ибо первый сумел на Италийский лад
Эолийскую песнь переложить стихом.
Гордым взором окинь мой, Мельпомена, труд
И чело увенчай лавром Дельфийским мне.**

ПАМЯТНИК

**Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.**

**Так! — весь я не умру, но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.**

**Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,**

**Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить.**

**О муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой неторопливой
Чело твое зарей бессмертия венчай.**

1795

Написав оду в 1782 г., Державин не решился напечатать ее, опасаясь мести знатных вельмож, изображенных в сатирическом плане. Случайно ода попала в руки одному хорошему знакомому Державина, советнику при директоре Академии наук, литератору, деятелю в области народного образования, впоследствии министру Осипу Петровичу Козодавлеву (нач. 1750-х гг.— 1819), который стал показывать ее разным лицам и в том числе познакомил с ней княгиню Е. Р. Дашкову, назначенную с 1783 г. директором Академии наук. Дашковой ода понравилась, и, когда в мае 1783 г. было предпринято издание «Собеседника», решено было открыть первый номер «Фелицей». Издание «Собеседника» было обусловлено усилением борьбы Екатерины с дворянской оппозицией, стремлением императрицы «использовать журналистику в качестве средства воздействия на умы».

Державин получил в подарок от императрицы золотую табакерку с 500 червонцев и был лично представлен ей. Высокие достоинства оды принесли ей успех в кругах наиболее передовых современников, широкую по тому времени популярность.

Само имя «Фелица» Державин взял из «Сказки о царевиче Хлоре», написанной Екатериной II для своего внука Александра (1781). Имя это образовано Екатериной от латинских слов «felix» — «счастливый», «felicitas» — «счастье».

«Мурзой именовал себя автор потому, ...что произошел он от татарского племени; а императрицу — Фелицею и киргизскою царевною для того, что покойная императрица сочинила сказку под именем Царевича Хлора, которого Фелица, то есть богиня блаженства, сопровождала на гору, где роза без шипов цветет».

ФЕЛИЦА

(...)

**Подай, Фелица! наставленья:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненье
И счастливым на свете быть?
Меня твой голос возбуждает,
Меня твой сын препровождает;
Но им последовать я слаб.
Мяжась житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотям я раб.**

Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.

Не слишком любишь маскарады,
А в клуб не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня парнаска не седлаешь,
К духам— в собранье не въезжаешь,
Не ходишь с трона на Восток;
Но кротости ходя стезею,
Благотворящею душою,
Полезных дней проводишь ток.

Мурзам твоим не подражая— т. е. придворным, вельможам. Слово «мурза» употребляет Державин в двух планах: он подразумевает себя и любого вельможу.

Читаешь, пишешь пред наложном - Державин имеет в виду законодательную деятельность императрицы. Налой (устар., простореч.), точнее «аналой» (церк.) — высокий столик с покатым верхом, на который в церкви кладут иконы или книги. Здесь употреблено в смысле «столик», «конторка».

Коня парнаска не седлаешь - Екатерина не умела писать стихов. Арии и стихи для ее литературных сочинений писали ее статс-секретари Елагин, Храповицкий и др.

К духам в собранье не въезжаешь, Не ходишь с трона на Восток — т. е. не посещаешь масонских лож, собраний. Екатерина называла масонов «сектой духов». «Востоками» назывались иногда масонские ложи. Масоны в 80-х гг. XVIII в. — члены организаций («лож»), исповедовавших мистико-моралистическое учение и находившихся в оппозиции екатерининскому правительству.

**А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;
Преображая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан.**

**Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол серебром и золотом,
Где тысячи различных блюд;
Там славный окорок вестфальской,
Там звенья рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят,
Шампанским вафли запиваю;
И всё на свете забываю
Средь вин, сладостей и аромат.**

Или средь рощицы прекрасной
В беседке, где фонтан шумит,
При звоне арфы сладкогласной,
Где ветерок едва дышит,
Где всё мне роскошь представляет,
К утехам мысли уловляет,
Томит и оживляет кровь;
На бархатном диване лежа,
Младой девицы чувства нежа,
Вливаю в сердце ей любовь.

Или великолепным цугом
В карете английской, златой,
С собакой, шутом или другом,
Или с красавицей какой
Я под качелями гуляю;
В шинки пить меду заезжаю;
Или, как то наскучит мне,
По склонности моей к преме,не,
Имея шапку набекрене,
Лечу на резвом бегуне.

Или музѣкой и певцами,
Органом и волынкой вдруг,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой дух;
Или, о всех делах заботу
Оставя, ежжу на охоту
И забавляюсь лаем псов;
Или над невскими берегами
Я тешусь по ночам рогами
И греблей удалых гребцов.

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя в дураки с женой;
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки резвимся порой;
То в свайку с нею веселюся,
То ею в голове ищуся;
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю,
Полкана и Бову читаю;
За библией, зевая, сплю.

А я, проспавши до полудни и т. д. «Относится к прихотливому нраву князя Потемкина, как и все три нижеследующие куплеты, который то собирался на войну, то упражнялся в нарядах, в пирах и всякого рода роскошах» (Об. Д., 598).

Цуг — упряжка в четыре или шесть лошадей попарно. Право езды цугом было привилегией высшего дворянства.

Лечу на резвом бегуне. Это относится также к Потемкину, но «более к гр. Ал. Гр. Орлову, который был охотник до скачки лошадиной» (Об. Д., 598). На конных заводах Орлова было выведено несколько новых пород лошадей, из которых наиболее известна порода знаменитых «орловских рысаков».

Или кулачными бойцами — также относится к А. Г. Орлову.

И забавляюсь лаем псов — относится к П. И. Панину, который любил псовую охоту (Об. Д., 598).

Я тешусь по ночам рогами и т. д. «Относится к Семену Кирилловичу Нарышкину, бывшему тогда егермейстером, который первый завел роговую музыку».

Полкана и Бову читаю. «Относится до кн. Вяземского, любившего читать романы (которые часто автор, служа у него в команде, перед ним читывал, и случалось, что тот и другой дремали и не понимали ничего) — Полкана и Бову и известные старинные русские повести» (Об. Д., 599).

**Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож.
Кто сколько мудростью ни знатен,
Но всякий человек есть ложь.
Не ходим света мы путями,
Бежим разврата за мечтами.
Между лентяем и брызгой,
Между тщеславья и пороком
Нашел кто разве ненароком
Путь добродетели прямой.**

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхождением правишь,
Как волк овец, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цену их.
Царей они подвластны воле, —
Но богу правосудну боле,
Живущему в законах их.

(...)

Слух идет о твоих поступках,
Что ты нимало не горда;
Любезна и в делах и в шутках,
Приятна в дружбе и тверда;
Что ты в напастях равнодушна,
А в славе так великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорят неложно,
Что будто навсегда возможно
Тебе и правду говорить.

Неслыханное также дело,
Достойное тебя! одной,
Что будто ты народу смело
О всем, и въявь и под рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себе не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самым крокодилам,
Твоих всех милостей зоилам
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слез приятных реки
Из глубины души моей.
О! коль счастливы человеки
Там должны быть судьбой своей,
Где ангел кроткий, ангел мирный,
Сокрытый в светлости порфирной,
С небес ниспослан скиптр носить!
Там можно пошептать в беседах
И, казни не боясь, в обедах
За здравие царей не пить.

**Там с именем Фелицы можно
В строке описку поскоблить,
Или портрет неосторожно
Ее на землю уронить,
Там свадеб шутовских не парят,
В ледовых банях их не жарят,
Не щелкают в усы вельмож;
Князя наследками не клохчут,
Любимцы въявь им не хохочут
И сажей не марают рож.**

Что отреклась и мудрой слыть. Екатерина II с наигранной скромностью отклонила от себя титулы «Великой», «Премудрой», «Матери отечества», которые были поднесены ей в 1767 г. Сенатом и Комиссией по выработке проекта нового уложения; так же она поступила и в 1779 г., когда петербургское дворянство предложило принять ей титул «Великой».

И знать и мыслить позволяешь. В «Наказе» Екатерины II, составленном ею для Комиссии по выработке проекта нового уложения и являвшемся компиляцией из сочинений Монтескье и других философов-просветителей XVIII в., действительно есть ряд статей, кратким изложением которых является эта строфа. Однако недаром Пушкин назвал «Наказ» «лицемерным»: до нас дошло огромное количество «дел» людей, арестованных Тайной экспедицией именно по обвинению «в говорении» «неприличных», «поносных» и пр. слов по адресу императрицы, наследника престола, кн. Потемкина и пр. Почти все эти люди были жестоко пытаемы «кнутобойцей» Шешковским и сурово наказаны секретными судами.

Там можно пошептать в беседах и т. д. и следующая строфа — изображение жестоких законов и нравов при дворе императрицы Анны Иоанновны. Как отмечает Державин (Об. Д., 599—600), существовали законы, согласно которым два человека, перешептывавшиеся между собой, считались злоумышленниками против императрицы или государства; не выпивший большого бокала вина, «за здравие царицы подносимого», уронивший нечаянно монету с ее изображением подозревались в злом умысле и попадали в Тайную канцелярию. Описка, поправка, подкабливание, ошибка в императорском титуле влекли за собой наказание плетьюми, равно как и перенос титула с одной строки на другую. При дворе широко распространены были грубые шутовские «забавы» вроде известной свадьбы князя Голицына, бывшего при дворе шутком, для которой был выстроен «ледяной дом»; титулованные шуты усаживались в лукошки и клохтали курицами и т. д.

Фелицы слава, слава бога,
Который брани усмирил;
Который сира и убога
Покрыл, одел и накормил;
Который оком лучезарным
Шутам, трусам, неблагодарным
И праведным свой свет дарит;
Равно всех смертных просвещает,
Больных покоит, исцеляет,
Добро лишь для добра творит.

Который даровал свободу
В чужие области скакать,
Позволил своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрешает,
И лес рубить не запрещает;
Велит и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая ум и руки,
Велит любить торги, науки
И счастье дома находить;

Который брани усмирил и т. д. «Сей куплет относится на мирное тогдашнее время, по окончании первой турецкой войны (1768—1774 гг. — В. 3.) в России процветавшее, когда многие человеколюбивые сделаны были императрицею учреждения, как то: воспитательный дом, больницы и прочие» (Об. Д., 600).

Который даровал свободу и т. д. Державин перечисляет некоторые законы, изданные Екатериной II, которые были выгодны дворянам-помещикам и купцам: она подтвердила данное Петром III дворянам разрешение совершать заграничные путешествия; разрешила помещикам разрабатывать рудные месторождения в их владениях в собственную пользу; сняла запрещение рубить лес на своих землях без контроля власти; «позволила свободное плавание по морям и рекам для торговли» (Об. Д., 600) и т. д.

**Которого закон, десница
Дают и милости и суд. —
Вещай, премудрая Фелица!
Где отличен от честных плут?
Где старость по миру не бродит?
Заслуга хлеб себе находит?
Где месть не гонит никого?
Где совесть с правдой обитают?
Где добродетели сияют?
У трона разве твоего!**

(...)